

Александр Минчин

Интервью А. Минчина с И. Бродским из книги «20 интервью»

Александр Минчин – американский писатель русского происхождения, уехавший из России из-за невозможности писать здесь. Родился в Москве в семье врачей. Окончил Мичиганский университет, где и написал свой роман “Псих”, по которому 10 лет шел спектакль в театре О. Табакова. Минчиным написано более 10 романов, 5 пьес, 3 киносценариев, поставлены пьесы в театре.

В книге “20 интервью” – разговоры с В. Аксеновым, Ж. Биссетом, К. Воннегутом, О. Ефремовым, Ежи Козински, Ю. Любимовым, Н. Михалковым, Эрнстом Неизвестным, У. Стайроном, О. Табаковым, М. Шостаковичем, М. Шуфутинским и т.д., собранные за 20 лет.

Сам Минчин был студентом Бродского и назвал интервью с ним самым неприятным. Читая, понятно почему. Ну что ж. Чем интересней человек как творец, тем хуже его характер.

Интервью с Иосифом Бродским
(которое никогда не было дано, а записывалось по мере общения в жизни)
Отрывки из бесед – диа-монологов

...Поскольку именно прозябание составляет основу действительности.
И.Бродский.

МИНЧИН: Иосиф, где вы родились?

БРОДСКИЙ: В Ленинграде, но это скучно и неинтересно.

МИНЧИН: Кем были ваши родители?

БРОДСКИЙ: Отец — фотограф, мать — кто-то еще; Саша, честно, я ожидал, что это будет оригинальней.

МИНЧИН: Я прочитал ваше “Посвящается Ялте”. Иосиф, это просто гениально.

БРОДСКИЙ: Ну, не гениально, но — хорошо.

МИНЧИН: Откуда вы знаете, что это хорошо?

БРОДСКИЙ: Все, что я делаю, — это хорошо, иначе я не делаю.

МИНЧИН: Вы прочитали стихи Беллы, которые я вам давал? (Последняя подборка в “Новом мире”, в конце 70-х).

БРОДСКИЙ: Да. Не понравились совершенно.

МИНЧИН:

БРОДСКИЙ: Слишком манерная Белла, да? и стихи такие.

МИНЧИН: Жаль, мне очень понравились; думаю, это ее лучшие стихи. А Вознесенский вам нравится?

БРОДСКИЙ: Это вообще не поэзия, это нечто другое.

МИНЧИН: А Евтушенко?

БРОДСКИЙ: Евтух? Талантливый мужик, талантливый. О вкусах не спорят: в 1987-м году я слушал его по приезду в Нью-Йорк и чуть не умер с тоски.

МИНЧИН: Неизвестный Рейн — он вам как? Я слышал, что он был вашим Учителем?

БРОДСКИЙ: Ну, учителем он моим никогда не был. (У гениального Бродского не может быть учителей! — Прим. авт.) Но мы с ним довольно близко общались, что-то могло повлиять.

МИНЧИН: Кто же тогда вам нравится из современных поэтов в России?

БРОДСКИЙ: Рейн хорош, но он не опубликован там. Так что он сам по себе. Пожалуй, никто. Впрочем, вспомнил, – Александр Кушнер, он живет в Ленинграде, он действительно поэт. *Смайлик «smile»*

МИНЧИН: А кто-нибудь из прозаиков нравится?

БРОДСКИЙ: На ум сразу кто-то один не приходит.

МИНЧИН: А Битов, “Пушкинский дом” — вы читали?

БРОДСКИЙ: Читал.

МИНЧИН: И как?

БРОДСКИЙ: Никак.

МИНЧИН: Карл все носится с Соколовым, считает, что “Школа для дураков” – лучшая книга, которую “Ардис” за все годы опубликовал.

БРОДСКИЙ: Он давал мне ее на отзыв, до публикации. У нас в Питере так мужики в 50-х писали, (в стол), никто и не думал это опубликовать.

МИНЧИН: Так кто-нибудь нравится вам в прозе?

БРОДСКИЙ: С вами, прозаиками, вообще нелегко, не так просто разобраться, как с поэтами, да? И хотя я считаю прозу более “презренной” и гораздо ниже, чем поэзию... Да и вообще, разговор о поэзии и прозе давний, если вы заметили, тянется через века... Поэтому, возвращаясь к заданному вопросу: одного кого-то нет.

МИНЧИН: Я только что прочитал “Ожог” Аксенова...

БРОДСКИЙ: Ну и как? (Впервые мелькнула искра интереса в бесцветных невыразительных глазах).

МИНЧИН: Очень сильный роман, великолепно написан.

БРОДСКИЙ: Да? Вы так считаете? Я с трудом продрался через 1-ю часть. Карл дал для прочтения.

МИНЧИН: А я читал только 2-ю часть (Карл дал для корректирования), обязательно прочтите, хорошо написано.

БРОДСКИЙ: Не думаю, но посмотрим.

МИНЧИН: Кто-нибудь еще, из прозаиков?

БРОДСКИЙ: Я, по-моему, никого не назвал.

МИНЧИН: Ну а великий Солженицын?

БРОДСКИЙ: Эх-х... (взмах рукой, выражающий “пустое это все”).

МИНЧИН: Оставим современников, среди которых вы, безусловно, первый в забеге...

БРОДСКИЙ: Я так не считаю, я — в стороне, ни с кем никуда не бегу. А что, кто-то бежит?

МИНЧИН: Я образно выразился, это образ такой.

БРОДСКИЙ: Странные у вас образы, Саша.

МИНЧИН: Я с вами себя очень стесненно чувствую и неестественно говорю...

БРОДСКИЙ: Может, не стоит говорить?

МИНЧИН: Тогда возьмем целый XX век: кто, вы считаете, был лучшим?

БРОДСКИЙ: В русской поэзии — Мандельштам, Цветаева ближе мне, а вообще для меня единственная Поэзия, что можно ею назвать, да? — это великая четверка: Мандельштам, Цветаева, Ахматова, Пастернак.

МИНЧИН: А Гумилев, прекрасный поэт?

БРОДСКИЙ: Для меня он не поэт вообще.

МИНЧИН: Вы серьезно?

БРОДСКИЙ: Вполне.

МИНЧИН: Что тогда Есенин, Блок, Бальмонт, Белый, И. Анненский, Мережковский, Кузмин, Волошин?

БРОДСКИЙ: Блок еще ничего. Вы же меня спросили о действительной поэзии, я вам ответил: только эта четверка. Из течений единственное, которое представляло Поэзию, — акмеизм.

МИНЧИН: Я слышал, что вы не пришли по душе Великой Вдове?

БРОДСКИЙ: А, да, я заявился к ней пьяный, старушка этого очень не любила.

МИНЧИН: Ваши стихи, я слышал, тоже... неужели такое может быть, ведь...

БРОДСКИЙ: Это дело вкуса, кому какие стихи нравятся.

МИНЧИН: Но вкус у нее есть?..

БРОДСКИЙ: Я предполагаю, что да.

МИНЧИН: Поэтам все же не чужда “презренная” проза, ею пользовались и Цветаева и Мандельштам, как вы к этому относитесь?

БРОДСКИЙ: Спокойно. Остались они все-таки известны как поэты.

МИНЧИН: А “Доктор Живаго” вам нравится?

БРОДСКИЙ: Нет, совершенно, очень слабая, распадающаяся вещь, проза поэта. Стишки там сильные!

МИНЧИН: Но именно за него ему дали Премию.

БРОДСКИЙ: Это еще ни о чем не говорит. Как раз наоборот.

МИНЧИН: Вы думаете, в будущем они дадут вам Нобелевскую премию?

БРОДСКИЙ: Ответьте сами себе на этот вопрос.

МИНЧИН: Они пропустили многих гениальных людей: Набокова, Платонова, Мандельштама, Булгакова, Цветаеву. Слава Богу, хоть Бунина при жизни не пропустили.

БРОДСКИЙ: Согласен.

МИНЧИН: Хотя поэзия у него, да и первый том — крестьянской прозы...

БРОДСКИЙ: Стишки у него слабенькие. С прозой дела были лучше.

МИНЧИН: Кто из прозаиков в XX веке?

БРОДСКИЙ: Платонов — гениальный прозаик.

МИНЧИН: Абсолютно гениальный стиль, думаю, лучший стилист в нашей литературе.

БРОДСКИЙ: У Булгакова есть неплохие вещицы. Бунин мне нравится.

МИНЧИН: А Набоков?

БРОДСКИЙ: И да и нет, это не легкий вопрос. И вообще я устал, хватит на сегодня, а?

(И только тут я замечаю, что его ноги в грязных сапогах лежат на двухтомнике Ахматовой, один том в мягкой обложке, другой — в твердой, брошенные на стол).

Семинар Бродского. Поэзия XX века. Мичиганский университет. Аспирантский факультет.

Идет долгий и нудный разбор стихотворения Ахматовой “Подражание армянскому”. В произведении 2 строфы, которые мы разбираем 90 минут построчно. Что она имела, что она хотела, почему не сказала. О поэзии XX века из уст самого Бродского (и его интерпретации ее, поэзии) никто ничего не узнал. Разочарование.

Следующее занятие. Идет долгий и нудный разбор еще одного произведения Ахматовой. Потом Цветаевой — “Попытка ревности”.

Наконец в конце семестра на одном из последних занятий аспиранты упросили дать список имен — кого же, он считает, следует читать в XX веке.

БРОДСКИЙ: Меня удивляет, что вас это интересует. Прежде всего следует читать:...

И он перечисляет имен 20 из английской, американской, французской, ирландской, шотландской поэзии. Потом, разгорячившись, переходит к античности. Вдруг замечает:

БРОДСКИЙ: Саша, а вы почему не пишете — вы читали и знаете Вергилия?

МИНЧИН: Да.

БРОДСКИЙ: Это правда?! (Очень удивлен).

(Так как Бродский никогда не учился в вузе, он не окончил даже десятилетки, то, естественно, не знал, что в институте на филфаке преподают как Вергилия, так и всю римскую и греческую литературы, по которым на 1-м курсе уже надо сдавать экзамен. Не говоря уже о том, что строфы из Вергилия мы учили по-латыни).

МИНЧИН: Вам рассказать “Буколики” или “Георгики”?

БРОДСКИЙ: Нет, не стоит. (Остальным: Саша имеет в виду два наиболее известных произведения поэта Вергилия). Да, кстати, что поэзия как таковая существует задолго до возникновения прозы, я надеюсь, всем известно?..

МИНЧИН: Ваше отношение к эмиграции?

БРОДСКИЙ: Не положительное. Здесь я общаюсь с людьми, с которыми дома даже и разговаривать бы не стал.

МИНЧИН: А американцы?

БРОДСКИЙ: Американцы — ничего, с ними гораздо легче и приятней. Из всех приобретений здесь русских — только Миша Барышников, уникал, невероятно интересный человек, стихов знает не меньше, чем я.

МИНЧИН: Кем вы себя чувствуете здесь; вы довольно хорошо ассимилировались?

БРОДСКИЙ: Изгоем. Да и там я себя чувствовал изгоем. Думаю, что я везде и всегда буду чувствовать себя изгоем.

МИНЧИН: Вы тоскуете по своему сыну, живущему в Ленинграде? Знает ли он, кто его отец?

БРОДСКИЙ: Не думаю, что вас это касается.

МИНЧИН: Можете звать меня на “ты”, я ведь еще...

БРОДСКИЙ: Я знаю, что я могу (произносится подчеркнутое “ч”, а не “ш”), но — не хочу.

МИНЧИН: Где вы научились такому глубокому английскому?

БРОДСКИЙ: Я вообще считаю, что два языка — это норма. С рождения. Так и было в России, если помните. До того.

МИНЧИН: Вы действительно принадлежали к кружку Ахматовой?

БРОДСКИЙ: Это не был кружок. Скажем, я был близок к ней в ее окружении.

МИНЧИН: Вам на самом деле нравится ее поэзия?

БРОДСКИЙ: Да, нравится, даже очень.

МИНЧИН: Я совершенно не понимаю (не воспринимаю) ее поэзию.

БРОДСКИЙ: Ничем помочь не могу — читайте букварь, он легче понимается. На лекциях я пытаюсь это разбирать, но вам, кажется, скучно и неинтересно.

МИНЧИН: Не только мне, всем... Мы ожидали совсем другого от...

БРОДСКИЙ: Это меня мало волнует, кто что ожидал.

МИНЧИН: Жаль... Кого из западных поэтов вы цените превыше всего?

БРОДСКИЙ: Из американцев мои любимые, а значит, и самые сильные — Роберт Фрост и Эмили Диккинсон. У англичан меня восхищает Оден, также Йетс и Элиот. Надеюсь, слышали о таких?

МИНЧИН: Что вы! “где уж нам уж выйти замуж, мы уж так уж...”

БРОДСКИЙ: Что вы? я не понял?

МИНЧИН: Чисто нервное — детская шутка.

БРОДСКИЙ: Я не знал, что у вас с нервами не в порядке?

МИНЧИН: При всем моем уважении...

БРОДСКИЙ: Ну, ну, дальше...

МИНЧИН: Вы не замечали, что вы умеете давить на нервы... собеседнику?

БРОДСКИЙ: Вы — собеседник?

МИНЧИН: А, да, простите...

БРОДСКИЙ: Ну, побеседуем в следующий раз. Да?

МИНЧИН: Карл мне сказал, что он опубликовал Лимонова под большим нажимом от вас.

БРОДСКИЙ: Не только моим.

МИНЧИН: Вам действительно нравится, что он пишет, его поэзия?

БРОДСКИЙ: Не в том дело. Сам он — эдакий современный Смердяков. Да? Вам не кажется?

МИНЧИН: Зачем же тогда?

БРОДСКИЙ: Алогичность поступков иногда бывает логична.

МИНЧИН: Но к Достоевскому у вас никаких претензий нет?

БРОДСКИЙ: Я не понял вопроса — у меня ни к кому претензий нет, кроме как... впрочем, ладно.

МИНЧИН: Он вам нравится как писатель?

БРОДСКИЙ: Это гораздо более сложный вопрос, чем примитивное “нравится” или “не нравится”. Достоевский с его канцеляризмами, с его канцелярским языком. Позднее — да, нравился, но кое-чего он вначале не умел, потом, правда, научился. Например, писать “скандалы” среди его героев.

МИНЧИН: Кстати, зоологический антисемит был. Да и вообще “расоненавистник” — сосчитали, что он ненавидел 56 национальностей.

БРОДСКИЙ: Но мы его любим “не только за это...” Кстати, совершенно чудовищный лгун был. Наверно, каждый романист должен им чуть-чуть быть. Хотя в тех условиях, в какие писатель поставлен обществом, — удивляюсь еще, что он не крадет и не убивает.

МИНЧИН: Набоков считал и называл его “шаманом”, а не писателем — не очень лестно. А как вы относитесь к поэзии Набокова?

БРОДСКИЙ: Плохо. Очень посредственная, второсортная поэзия. Как поэт он не состоялся, зато как прозаик он интересен. Но и проза его — манипулятивна, эдакий холодный Актер, всегда за маской, из-за нее не показывается.

МИНЧИН: На ваше отношение к нему ничего не повлияло?

БРОДСКИЙ: Нет, абсолютно. А что, должно было?

(И снится мне сон,

— Карл, а почему Бродский недолюбливает Набокова?

— О, это замечательная история. Когда-то я привез Владимиру Владимировичу поэму Иосифа “Горбунов и Горчаков” — о Иосифе тогда еще мало кто знал на Западе — и спросил его мнение. Набоков прочитал поэму и она ему очень не понравилась, он сказал, что это вообще не поэзия. Позже я рассказал Иосифу об этом случае (не зная его особенностей и ранимости), с тех пор, естественно, он и невзлюбил Набокова. Этого никто не знает, и он, естественно, никогда не признается в этом никому.

— А то, что вы послали ему Соколова “Школу для дураков” и она Набокову понравилась, он знал?

— Кажется, я ему рассказывал. Впрочем, отзыв Набокова и на обложке книги напечатан. Какие необыкновенные сны иногда снятся. Как пророчества.)

Дни Культуры в Аллентауне, Пенсильвания

БРОДСКИЙ: Это ваша девушка?

МИНЧИН: Да.

БРОДСКИЙ: Очень милая девушка.

В самолете, летящем в Детройт, на похороны Издателя.

МИНЧИН: Он был мужественный человек, так долго сражался и не сдавался.

БРОДСКИЙ: И абсолютно спокойно относился к идее смерти, совершенно не боялся.

МИНЧИН: Химиотерапия продлила ему жизнь на три года.

БРОДСКИЙ: Но какие дикие боли доставляла. Как он смог терпеть все...

МИНЧИН: Вы все преподаете?

БРОДСКИЙ: Да, преподаю. Сею...

МИНЧИН: Сколько лет я вас не видел?

БРОДСКИЙ: Давно не виделись, давно. У вас сигаретки не найдется?..

(Он всегда “стрелял” сигаретки у студентов, друзей, врагов, мимолетных знакомых, — у всех, хотя курить было категорически запрещено).

Чем вы занимаетесь, Саша?

МИНЧИН: Живу в Нью-Йорке, женился, только что вернулся из свадебного путешествия.

БРОДСКИЙ: Да?! Поздравляю!

МИНЧИН: Виделся в Париже с Максимовым...

БРОДСКИЙ: Я не знал, что вы его знаете...

МИНЧИН: Говорили о том, что нужно бы интервью с вами для “Континента” сделать. Не о поэзии, а о жизни — слухов много всяких ходит. У вас бы была возможность самому сказать. Ну и потом в России всем будет интересно. Они там вообще ничего не знают.

БРОДСКИЙ: А кто будет делать интервью?

МИНЧИН: Я.

БРОДСКИЙ: У вас есть какой-то опыт?

МИНЧИН: Я сделал для него интервью с Аксеновым, Шостаковичем, Макаровой.

БРОДСКИЙ: Да? И что же случилось? (Вспыхивает, как короткое замыкание, интерес).

МИНЧИН: Он опубликовал их в разное время в “Континенте”.

БРОДСКИЙ: Вот как, даже так? (Выражает достаточную степень удивления).

МИНЧИН: Так что, Иосиф, если вы согласны, то мы можем сделать интервью с вами?

БРОДСКИЙ: Ну, не так быстро. Но я подумаю.

МИНЧИН: Не бойтесь, “стишки” ваши (как вы любите называть) трогать не буду, только о вашей жизни.

БРОДСКИЙ: Я сказал, подумаю.

МИНЧИН: Иосиф, для “кого” вы пишете — наверно, слишком банальный вопрос, но все-таки интересно было бы послушать ответ?

БРОДСКИЙ: Разминка к интервью? На которое я еще не дал согласие. Пишу я для себя и только для себя в проекции.

МИНЧИН: Что же есть такое поэт?

БРОДСКИЙ: Поэт — это образ жизни.

МИНЧИН: Вы пишете великолепные эссе в прозе по-английски, а стихотворения по-русски. Как это объяснить?

БРОДСКИЙ: Когда приходится писать на иностранном языке, это подстегивает. Может, я переоцениваю свое участие в русской литературе (именно участие), но мне это все, в общем, надоело. Прозы я никогда раньше не писал, и если уж приходится ее писать, то, по крайней мере, хоть развлечь себя как-то. А большего развлечения, чем писать на иностранном языке, я не знаю. Хотя почему “чужом” — я, по-моему, говорил, что считаю два языка - нормой. Стишки пробовал писать по-английски, но не влечет. Вы всерьез решили сделать интервью в самолете?

МИНЧИН: Нет, просто знаю, что вы мне много времени не дадите...

БРОДСКИЙ: Ну, Бог ты мой, зачем же так. Хорошо, я вам дам интервью. Если это доставит вам удовольствие.

МИНЧИН: Спасибо большое. Мне нужно будет пару недель подготовиться (я хочу, чтобы оно лучшим получилось и, главное, вам понравилось). Когда мы сможем встретиться?

БРОДСКИЙ: Ну, Господи, позвоните мне домой и договоримся. Между моими поездками в Массачусетс.

МИНЧИН: Вы часто ездите?

БРОДСКИЙ: Каждую неделю — я там преподаю.

МИНЧИН: В Мичиганский университет возвращаться не собираетесь?

БРОДСКИЙ: Нет, совершенно. Скучно там зимой, тоска. Вы не находите?

МИНЧИН: Да, согласен. Развлечений мало.

БРОДСКИЙ: А вы что, ушли из университета?

МИНЧИН: Да, сразу после вас.

БРОДСКИЙ: Странно, отчего — вы так рвались туда?

МИНЧИН: С вашей помощью и поступил...

БРОДСКИЙ: Ну, не надо преувеличивать. Поступили вы сами, я просто вас рекомендовал. Так что же случилось?

МИНЧИН: Может, не стоит?

БРОДСКИЙ: Давайте-давайте, не тяните, Саша.

МИНЧИН: Был у меня один профессор, который мне за реферат по литературе, итоговую работу по семестру, поставил “С” (тройку). И это в докторантуре.

БРОДСКИЙ: Отчего, тему же вы сами выбрали?

МИНЧИН: Стиль мой не понравился, говорил, что на “стенку от него лезет”.

БРОДСКИЙ: Видно, сильные эмоции у него вызывали. И что же?

МИНЧИН: Я попросил его дать мне возможность написать новую работу, а эту оценку в деканат не подавать как окончательную. Так как с тройкой от него, да по литературе, да при том значении, которое придавалось его оценке, я мог уже не писать докторскую диссертацию и искать себе другой “кусочек хлеба”. Профессор уехал в Нью-Йорк, и мы договорились, что я ему пришлю вторую работу в течение месяца. До этого он не будет отсылать финальную ведомость. Когда новая работа была готова, я пришел в деканат, чтобы спросить его адрес. Ученый секретарь спросила, что я посылаю, я ответил: реферат за семестр. Она удивилась, почему так поздно, я сказал. “Он еще три недели назад прислал финальную ведомость в деканат из Нью-Йорка”, — сказала она. “У меня тоже проставлена оценка?” “Конечно, у всех его студентов. Сейчас я проверю... у тебя стоит “С”. У вас что-то произошло, личное случилось? Потому что он никому таких оценок не ставит”. После этого я, натурально, ушел из университета, потом переехал в Нью-Йорк в поисках работы...

БРОДСКИЙ: Кто был этот профессор?

МИНЧИН: Поэт Бродский.

БРОДСКИЙ: Ну да?! (виноватая ухмылка.) Я такое сделал? А какие остальные оценки были?

МИНЧИН: Все “А”.

БРОДСКИЙ: Но работа по Мандельштаму ваша была ужасная — вернее, не сама работа, а стиль. Одна мысль, правда, там была интересная.

МИНЧИН: Какая?

БРОДСКИЙ: Про Мандельштама: да за вас одного я способен возненавидеть весь народ. (И власть, как порождение его?). Да, как же так получилось? Не должен был...

МИНЧИН: Ничего страшного, Иосиф. Не уйди я из университета и не переберись в Нью-Йорк, не встретил бы свою нынешнюю жену...

БРОДСКИЙ: У вас есть фотография?

МИНЧИН: Да, есть.

БРОДСКИЙ: Красивая, своеобразная девушка.

МИНЧИН: Иосиф, я сейчас вспомнил — а за что на вас обижен Прозаик?

БРОДСКИЙ: А. В., что ли? Он хороший мужик, я его даже люблю по-своему, в Москве еще общались. Разобиделся на меня, в самом деле, по-страшному...

МИНЧИН: Почему?

БРОДСКИЙ: Обещаете, что будет между нами? Я никогда этого никому не рассказывал.

МИНЧИН: Все, что мы говорим, будет между нами.

БРОДСКИЙ: Когда он только приехал сюда, то отдал свой новый роман для публикации по-английски в мое издательство “Фэррар, Страус энд Жироу”. Они прислали мне его на отзыв, что и естественно, так как я читаю на языке оригинала...

МИНЧИН: Какой роман?

БРОДСКИЙ: “Поджог” его. Я им ответил, что думал. О произведении как таковом. Роман был полное г...о (естественно, я отозвался мягче), но не мог я им врать, не мог. Они ему прислали ответ, что отказывают в публикации. Для него это, видимо, важно было: первый большой роман по-английски с момента его приезда на Запад. (Хотя мне, например, все равно — публикуют меня или нет, но я редкий автор, обычно всех нормальных это волнует). А. В. позвонил в издательство и стал выяснять почему. Там редактором работает одна русская баба (она здесь родилась, но в русской семье), он ее знал через кого-то и спросил, кто дал отрицательный отзыв, кто “зарубил”? Так эта дура взяла и ляпнула ему, что рецензию дал Бродский.

Я думал также, что будет лучше для него — возможно, он опубликует что-то более интересное. Через несколько дней он прислал мне письмо, где разнес меня в пух и прах, написал много оскорблений, а в конце назвал Иудой. То бишь предавшим его...

МИНЧИН: Ну да?!

БРОДСКИЙ: Честное слово, у меня и в мыслях такого не было. Первый раз в жизни я сел и написал ему письмо, на 26 страницах, где полностью, подетально разобрал его роман по главам, объясняя, почему я дал отрицательный отзыв, и чем он мне не понравился. Честно написал. А.В. не ответил, прервал со мной совершенно все отношения, длится это уже несколько лет. Хотя я к А.В. по-прежнему сердечно отношусь.

МИНЧИН: Хотел бы я очень прочитать это письмо, разбор. У вас осталась копия?

БРОДСКИЙ: Нет, зачем она мне.

МИНЧИН: А у А.В.?

БРОДСКИЙ: Не знаю, но если и осталась, то он ее не даст. А ведь хороший мужик — никогда не думал, что так разозлится.

МИНЧИН: Ладно, его роман не понравился, а кто нравится из современных прозаиков?

БРОДСКИЙ: Если честно сказать, я сейчас вообще только Довлатова читать могу. Знаете его, да?

МИНЧИН: ?... Вы что, серьезно?

БРОДСКИЙ: А что — простая, незатейливая проза. Я устал от сложностей...

МИНЧИН: А Владимов, Максимов, Аксенов, Войнович, Синявский?

БРОДСКИЙ: Это все... как бы вам сказать... Юз вот еще ничего, Алешковский, мата только много, но в целом нравится. Я его очень рекомендовал в “Фэррар, Страус энд Жироу”.

МИНЧИН: Ваша рекомендация там — закон?

БРОДСКИЙ: Не всегда, но они прислушиваются. К сожалению, не во всем.

МИНЧИН: Есть очень сильный прозаик Горенштейн.

БРОДСКИЙ: Вы так считаете? Почитаю.

Последние у могилы мы стоим вдвоем (самолет опоздал). Еще не засыпана, на дне гроб. Я отхожу на несколько шагов в сторону. Иосиф наклоняется. Лицо его по-бабски кривится, он всхлипывает и неумело плачет. Я смотрю на все... Потом он отступает, освобождая место мне. Я наклоняюсь, вижу красивый гроб, у меня течет слеза: прощай, Карл... Мы стоим вместе еще несколько минут над могилой. Тишина, всхлипыванья. Поворачиваемся и идем...

Вечером мы летим обратно.

...

МИНЧИН: Почему вы согласились дать мне интервью?

БРОДСКИЙ: Вы повзростели и, по-моему, поумнели, с вами стало интересней разговаривать.

МИНЧИН: Значит, точно делаем? Чтобы я зря не готовился. Зная ваш переменчивый характер.

БРОДСКИЙ: Точно, готовьтесь.

Я снимаю трубку и набираю номер.

МИНЧИН: Здравствуйте, Иосиф, когда вам удобно встретиться?

БРОДСКИЙ: Для чего?

МИНЧИН: Чтобы сделать интервью — помните, вы обещали.

БРОДСКИЙ: Ну, позвоните мне на следующей неделе, когда я вернусь.

Я снимаю трубку и набираю номер:

МИНЧИН: Здравствуйте, Иосиф, это Саша. Когда мы с вами встретимся?

БРОДСКИЙ: Я опять уезжаю читать лекции, давайте на следующей неделе, позвоните мне к концу. Хорошо? Договорились, пока.

Я снимаю трубку и набираю номер:

МИНЧИН: Здравствуйте, Иосиф, это Саша. Когда мы с вами встретимся?

БРОДСКИЙ: Я опять уезжаю читать лекции, давайте на следующей неделе, позвоните мне к концу. Хорошо? Договорились, пока.

Я снимаю трубку и набираю номер:

МИНЧИН: Иосиф, вы опять уезжаете?

БРОДСКИЙ: Вы угадали; знаете что, позвоните мне через две недели, и мы точно встретимся. Привет.

Я снимаю трубку и набираю номер.

МИНЧИН: Иосиф, добрый день. Вы уже вернулись?

БРОДСКИЙ: Ага, вернулся.

МИНЧИН: Вы говорили, что сможем встретиться...

БРОДСКИЙ: Знаете что, Саша, я подумал-подумал и решил, что, может быть, это не стоит делать.

МИНЧИН: Что это не стоит?

БРОДСКИЙ: Что нам, наверно, не следует делать интервью — не сейчас.

МИНЧИН: Почему?

БРОДСКИЙ: Ну, мне просто расхотелось. Да и ни к чему.

МИНЧИН: Есть какая-то определенная причина?

БРОДСКИЙ: Есть, какая разница...

МИНЧИН: Я хочу знать причину!

БРОДСКИЙ: Я разговаривал вчера с Эллендеей (жена Издателя), она сказала, что вы приехали на похороны Карла без приглашения.

МИНЧИН: Я не знал, что для этого нужно приглашение.

БРОДСКИЙ: Это просто ужасно, я не поверил, это выходит за всякие рамки приличия. Она хотела сделать все приватно, только для близких.

МИНЧИН: Откуда я это должен был знать?! Он был очень близким мне человеком, который много для меня сделал. Я приехал воздать ему последний долг, почтить его память. Выразить запоздалую благодарность, меня абсолютно в этот момент, простите, не волновало, кого она приглашала, кого нет. Мне и в голову такая дикость не могла прийти: похороны по приглашению. Вы когда-нибудь о таком слышали?

БРОДСКИЙ: Все-таки вы прожили в Америке уже столько лет, могли бы усвоить их привычки.

МИНЧИН: И вот из-за этого вы отказываетесь делать интервью, на которое дали согласие?

БРОДСКИЙ: В общем-то, да.

МИНЧИН: Но я же спрашивал вас: вы не передумаете? Я потратил три недели своей жизни, все бросив, готовясь к этому интервью.

БРОДСКИЙ: За это единственное я чувствую себя перед вами виноватым. Впрочем.

МИНЧИН: Всего вам хорошего, Иосиф.

Я вешаю трубку, не слушая ответа.

1980-1984

Анн Арбор, Нью-Йорк